https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-486-492
https://elibrary.ru/EXTYCD
УДК 82.0
Научная статья / Research Article

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

МЕТАФОРЫ РУССКОГО АВАНГАРДА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ VS ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

© 2026 г. Л.А. Лучинина

Исследование выполнено при поддержке программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» БФУ им. И. Канта

Аннотация: В статье представлена попытка соотнесения различных взглядов русских авангардистов на феномен метафоризации. Выделена магистральная линия в осмыслении данного феномена на уровне «теоретического» дискурса: *метафора* воспринимается авангардистами как «ходуля» — инструмент, присоединяемый к «телу» текста извне, ограничивающий органическое существование слов в нем и тем самым умерщвляющий текст. Также при обращении к авангардистским метатекстам установлен статус *слова*, как «естественного» компонента текста: «самовитое» слово описывается как организм, способный к жизнедеятельности и мифопорождению. Соотнесение указанных позиций позволило рассмотреть возможность выделения антиномии *метафора/слово*, ранее не являвшейся предметом описания в исследованиях, посвященных авангардистской метафорике. В выделенной антиномии метафора обладает чертами мортальности, а *слово* осмысляется как витальный феномен. Однако на уровне поэтического дискурса фиксируется смешение и смещение компонентов данной антиномии: 1) для раскрытия идеи самоценности *слова* авангардисты используют механизм метафоризации, т. е. противопоставленность «живого» *слова* «мертвой» *метафоре* стирается, поскольку они оказываются структурно связаны внутри поэтического текста, 2) корпус авангардных метафор включает примеры соотнесения *слова* как с витальными, так и с мортальными компонентами, что размывает представление о витальности слова и формирует дополнительную зону антиномичности внутри семантического поля данного компонента. Со-противопоставленность всех указанных позиций свидетельствует также о внутренней системной антиномичности концептуального пространства и художественной практики русского авангарда.

Ключевые слова: авангард, метафора, художественное слово, поэтический текст, метатекст

Информация об авторе: Лада Александровна Лучинина — аспирант, старший преподаватель, Высшая школа коммуникаций и креативных индустрий БФУ им. И. Канта, ул. А. Невского, д. 14, 236041 г. Калининград, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0007-7461-352X

E-mail: LaLuchinina@kantiana.ru

Для цитирования: *Лучинина Л.А.* Метафоры русского авангарда: теоретический vs поэтический дискурс // Антиномичность поэтики русского модернизма и современная гуманитарная мысль: коллективная монография / отв. ред. и сост. С.В. Федотова. М.: ИМЛИ РАН, 2026. С. 486–492. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Текст: электронный.

https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-486-492

METAPHORS OF THE RUSSIAN AVANT-GARDE: THEORETICAL VS. POETIC DISCOURSE

© 2026. Lada A. Luchinina

Acknowledgements: The research was supported by funds provided through the Russian Federal Academic Leadership Program “Priority 2030” at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

Abstract: The article compares various opinions of Russian avant-garde artists on the phenomenon of metaphorization. The main theses for understanding this phenomenon at the level of “theoretical” discourse are highlighted: the avant-garde artists refer to metaphor as a “stilt” and perceive it as an instrument that is attached to the “body” of a text from the outside, limiting the organic existence of words within the text and killing it. In addition, by referring to avant-garde metatext, the status of the word as a “natural” component of the text has been established: the independent word is described as an organism capable of vital activity and creativity, as well as the creation of myths. By comparing these positions, it has been possible to identify the antinomy “metaphor/word”, which has not previously been explored in studies on avant-garde metaphors. In this antinomy, the metaphor is characterized by its mortality, while the word is seen as a vital phenomenon. However, at the level of poetic discourse, there is a mixture and displacement of the components of this antinomy: 1) to reveal the idea of the self-value of the word, the avant-garde uses the mechanism of metaphorization, so the opposition between the “living” word and the “dead” metaphor is erased, as they are structurally connected within the poetic text, 2) the list of avant-garde metaphors includes examples of the word being associated with both vital and

mortal components, which blurs the concept of the vitality of the word and creates an additional zone of antinomy within the semantic field of this component. The correlation and opposition of all these positions also testify to the internal systemic antinomy of the conceptual space and artistic practice of the Russian avant-garde.

Keywords: avant-garde, metaphor, artistic word, poetic text, metatext

Information about the author: Lada A. Luchinina, PhD student, Senior Lecturer at the Higher School of Communications and Creative Industries at Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevskogo St., 14, 236041 Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0007-7461-352X

E-mail: LaLuchinina@kantiana.ru

For citation: Luchinina, L.A. "Metaphors of the Russian Avant-Garde: Theoretical vs. Poetic Discourse." *Antinomichnost' poetiki russkogo modernizma i sovremennaia gumanitarnaia mysl'* [*The Antinomic Nature of Russian Modernism Poetics and Modern Humanities Thought*], ex. ed. Svetlana V. Fedotova. Moscow, IWL RAS Publ., 2026, pp. 486–492. (In Russian) 1 Electronic Optical Disc. Text: Electronic.

https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-486-492

Программной установкой литературной практики русского авангарда было стремление к поиску новых художественных форм и — шире — новых средств осмысления мира и концептуализации действительности. Авангардистское новаторство строилось как на отрицании существующих подходов к творчеству и сложившихся традиций, так и на утверждении необходимости создания нового поэтического инструментария. Эти позиции осмыслены в ряде авангардистских метатекстов, например, в футуристическом манифесте «Пощечина общественному вкусу» (1912 г.): «Прошлое тесно <…> Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч., и проч. с Парохода современности» [2, с. 129]. Далее эта установка сохраняется и обозначается и во многих других программных текстах: ср. «Supplementum к поэтическому контрапункту» (1914 г.): «мы изжили старое искусство» [2, с. 136], «Два последних слова» (1916 г.): «мы отвергаем прошлое, все прошлые школы» [2, с. 188], Программа ЛЕФ (1923 г.): «в мастерстве — право откинуть старье» [2, с. 210] и т. д. Отказ от следования традиции в художественном творчестве формирует лакунарную зону, средством заполнения которой для авангардистов выступало новаторство на различных уровнях — от фонетического, где реализуется идея создания «новой азбуки для новых звуков» [2, с. 136] («Supplementum к поэтическому контрапункту», 1914 г.), до тематического — «мы выдвинули впервые новые принципы творчества, мы во власти новых тем» [2, с. 131] («Садок судей» II, 1914 г.).

Ассортимент конкретных инструментов тексто- и смыслообразования, используемых в поэтической практике, также подлежал пересмотру со стороны авангардистов. В частности, *метафора*, являющаяся одним из базовых тропов, традиционно задействуемых в организации художественного текста, на уровне «теоретического» дискурса[1] авангарда отвергалась как ненужный механизм, поэтический «костыль», средство избыточной эстетизации.

Одной из причин такого восприятия метафоры русскими поэтами-новаторами начала XX столетия могло быть влияние идей У. Уитмена. К. Чуковский в работе, посвященной творчеству американского автора, приводит свидетельства увлечения уитменством В. Хлебникова, В. Маяковского и др.; отмечает, что, в целом, творчество русских футуристов в ранний период несет на себе «явный отпечаток поэтики Уитмена» [5, с. 280]. Развивая этот тезис, В. Альфоносов и С. Красицкий делают ссылку непосредственно на позицию У. Уитмена, релевантную и для осмысления творчества русских авангардистов: «Я и подобные мне убеждаем не метафорами, не стихами, не доводами, мы убеждаем тем, что существуем» [1, с. 10]. Противопоставленная жизнетворчеству метафора теряет для авангардистов свой статус средства воздействия/убеждения; сам принцип поэтической метафоризации, построенный на образном мышлении, воспринимается как «неубедительный», и, соответственно, нецелесообразный, о чем впрямую пишет, например, Н. Кульбин: «метафора — сказанное в переносном смысле, следовательно, не вполне убедительное» [3, с. 56].

Значимость орнаментальной функции метафоры также подвергается критическому осмыслению в теоретических работах авангардистов. В частности, А. Крученых в «Кукише пошлякам» описывает феномен метафоризма через заимствованный у В. Маяковского образ «поэтических ходулей» — метафоры (а также эпитетов и других тропов), ситуативно поддерживая текст, неизменно ведут его к умиранию, представляя собой «явные признаки конца» [4, с. 52]. В данной позиции, вероятно, А. Крученых во многом отталкивается от идеи собственной витальной силы слова, разрабатываемой им и его единомышленниками в раннеавангардистских метатекстах. Если метафоры — «ходули» (не «ноги», как часть «тела» текста, а именно «ходули»), т. е. дополнительный «внешний» инструмент, с одной стороны поддерживающий, но с другой — регламентирующий (ограни-

[1] Компонентами «теоретического» дискурса авангарда здесь и далее называются позиции, обозначаемые в метатекстах и программных работах, а также факты жизнетворчества, определявшие концептуальные установки русского авангарда.

чивающий) организацию текста, то метафора становится также препятствием и для самостоятельного развития *слова*.

В этом контексте на уровне теоретического дискурса русского авангарда мы обнаруживаем тенденцию к отрицанию метафоры как избыточного механизма; возможно, это отрицание — в пользу раскрытия свободы действия «слова как такового». Способность *слова* к автономному существованию и развитию в тексте (в том числе без использования тропов, в частности, метафор и других интегрируемых автором в текст поэтических механизмов) утверждается во многих авангардистских метатекстах через номинации и характеристики: «самовитое слово» [2, с. 129] («Пощечина общественному вкусу», 1912 г.), «слово — живой организм», «слово-жизнедеятель» [2, с. 136] («Поэтические начала», 1914 г.) и т. п. Встроенность *слова* в контекст «естественной» (органической) жизни предполагает расширение границ поэтического творчества от области художественного — к пространству бытия языка. На следующих этапах развития данной концепции в представлении авангардистов *слово* оказывается способным не только к жизнедеятельности, но и к самостоятельной продуктивной деятельности — смыслопорождению и мифотворчеству, что описывается, например, в «Садке судей II» (1914 г.): «мы считаем слово творцом мифа, слово, умирая, рождает миф и наоборот» [2, с. 131]. При этом деятельность *слова* и обращение поэта к этой деятельности рассматривается на уровне теоретического дискурса авангарда не как художественный акт (акт, которому присуща «художественность»), а как естественное действие. В связи с этим в Декларации «Слова как такового» (1913 г.) критика предшествующей поэтической традиции строится на противопоставлении неактуального для авангардистов стремления через поэзию «разобраться в человеческой душе» продуктивной идее «прямого» обращения к слову — будетляне должны «жить словом как таковым, а не собой» [2, с. 139].

Таким образом, на уровне теоретического дискурса русского авангарда можно выделить опосредованно раскрываемую в сопрягающихся метатекстах антиномию *метафора/слово*: при этом *метафора* рассматривается как «ходуля» — инструмент, искусственно принесенный извне и имеющий скорее мортальную силу (метафора как «признак конца»), *слово* же осмысляется как органический естественный феномен, обладающий витальной силой (слово как живой организм, способный к мифотворчеству).

В художественных текстах, т. е. на уровне поэтического дискурса, можно обнаружить смещение и смешение компонентов данной

антиномии: во многих стихотворениях авангардистов самоценность *слова* раскрывается через систему *метафор,* в связи с чем противопоставленность *слова метафоре* частично стирается, поскольку они оказываются структурно связаны внутри поэтического текста.

В ряде случаев через метафору осмысляется собственная жизнь *слова-организма*, наделяемого чертами реальных живых существ — птиц, например, у В. Хлебникова: «*вылетят птенчики из тихого слова*», зверей — типа «*слов торопящееся стадо*» у Д. Бурлюка [6, с. 196] или насекомых — как в тексте А. Крученых: «*жужжат мохнатые слова*» [8, с. 93]. В сходных контекстах слово может быть также соотнесено в структуре метафоры с конкретным субъектом, человеком — например, у В. Маяковского: «*слов звонконогие гимнасты*» [9, т. 2, с. 144], у Д. Бурлюка: «*слов дружно шагающих роты*» [6, с. 150] и т. п. Данные примеры иллюстрируют представление авангардистов об органической природе слова, а метафора служит средством раскрытия данного представления.

Также в ряде поэтических текстов через метафоры обозначается продуктивный потенциал *слова*, его способность к созиданию и порождению —например, у А. Крученых *слово* метафорически соотносится с конкретными биологическими единицами, способными к репродукции: «*слова мои — занозы / сперматозоиды / Я щедрым заездом бросаю их в толпу — / Что они там зародят?*» [8, с. 149], у В. Маяковского через метафору утверждается способность слова к созданию новых смыслов и контекстов: «*каждое слово душу новородит*» [9, т. 1, с. 183], а в текстах Д. Бурлюка *слово* метафоризируется как инструмент воскрешения: «*о, воскреси, губитель, словом*» [6, с. 140]. В представленных текстах заключены образцы типичных для поэзии авангарда контекстов, раскрывающих идею витальности *слова*.

Однако пространство поэтического дискурса русского авангарда содержит в себе также и разнообразные примеры метафоризации *слова* как разрушающего/травмирующего элемента — например, оружия, как у В. Каменского: «*слово — сабля из ножон*» [7, с. 195], у В. Хлебникова: «*царапай мировой слух плеткою свежих слов*» [10, с. 240] или орудия, обладающего губительной мортальной силой, что отражено, в частности, в текстах А. Крученых: «*как молоток влетело в голову отточенное слово*» [8, с. 144], В. Маяковского: «*гвоздями слов прибит к бумаге я*» [9, т. 1, с. 208] и др. Так, на уровне поэтического дискурса представление о витальности слова размывается; наличие двух противопоставленных подходов к метафоризации слова и двух задаваемых этими подходами поэтических контекстов, формирует дополнительную зону антиномичности внутри семантического поля данного компонента.

Со-противопоставленность всех указанных позиций позволяет очертить последовательно конструируемую и размываемую систему антиномий, определяющих некоторые особенности поэтики русского авангарда: 1) на уровне «теоретического» дискурса *метафора* оказывается противопоставлена *слову* по признаку мортальности / витальности; 2) этот же признак оказывается определяющим для выделения антиномии *слово порождающее/слово разрушающее*, осмысляемой через систему метафор на уровне поэтического дискурса; 3) соотнесение двух авангардных дискурсов (теоретического и поэтического) обнаруживает определенную непоследовательность в формировании концептуального пространства и его преломлении в художественной практике. На уровне «теоретического» дискурса метафора отрицается, а на «практическом» (поэтическом) уровне используется. Представляется, что данный факт может быть осмыслен как свидетельство внутренней системной антиномичности русского авангарда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Альфонсов В.Н.* Поэзия русского футуризма. СПб.: Академический проект, 1999. 752 с.
2. *Бродский Н.Л.* Литературные манифесты: от символизма до «Октября». М.: Аграф, 2001. 374 с.
3. *Воробьев И.С.* Русский авангард. Манифесты, декларации, программные статьи (1908–1917). СПб.: Композитор, 2008. 256 с.
4. *Крученых А.Е.* Кукиш пошлякам. М.: Гилея, 1992. 58 с.
5. *Чуковский К.И.* Мой Уитмен. Его жизнь и творчество. М.: Прогресс, 1969. 304 с.

Источники

6. *Бурлюк Д., Бурлюк Н.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2002. 592 с.
7. *Каменский В.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1966. 507 с.
8. *Крученых А.* Стихотворения. Поэмы. Романы. Опера. СПб.: Академический проект, 2001. 480 с.
9. *Маяковский В.* Полн. собр. соч.: в 13 т.: М.: ГИХЛ, 1955. Т. 1: 1912–1917. 482 с.; 1956. Т. 2: 1917–1921. 538 с.
10. *Хлебников В.* Собр. соч.: в 6 т. М.: ИМЛИ РАН, 2001. Т. 2: Стихотворения, 1917–1922. 609 с.